

**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

ПОД ЛАСКОЙ
ПЛЮШЕВОГО
ПЛЕДА

Марина Ивановна Цветаева
Под лаской плюшевого пледа
Серия «Эксклюзив: Русская классика»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64031552
Марина Цветаева Под лаской плюшевого пледа:
ISBN 978-5-17-135214-1

Аннотация

«Мне нравится, что вы больны не мной...», «Уж сколько их упало в эту бездну...», «Под лаской плюшевого пледа...» – благодаря кинематографу эти и многие другие стихи стали известны широкому читателю. Поэзия Цветаевой отличается неповторимыми женскими интонациями, «очень русским говором», как утверждали современники. То напевные, то стремительные; то задорные, то печальные – ее произведения понятны и любимы по сей день.

Содержание

Стихотворения	8
1908–1915	8
«Проснулась улица. Глядит, усталая...»	8
Книги в красном переплете	9
В Париже	11
Плохое оправданье	12
Они и мы	14
Следующей	14
«На солнце, на ветер, на вольный простор...»	15
Оба луча	17
Осужденные	17
Исповедь	18
Очаг мудреца	19
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	20
На вокзале	21
Путь креста	22
Не в нашей власти	23
Резеда и роза	25
Два исхода	25
Зимняя сказка	27
«И уж опять они в полуистоме»	27
Декабрьская сказка	28

Дикая воля	30
Слезы	30
Aeternum vale	31
Только девочка	32
Жажда	33
Душа и имя	34
Старуха	34
«Бежит тропинка с бугорка...»	35
Домики старой Москвы	36
«Идешь, на меня похожий...»	37
«Вы, идущие мимо меня...»	39
«Мальчиком, бегущим резво...»	40
«Сердце, пламени капризней...»	41
«Моим стихам, написанным так рано...»	42
«Я сейчас лежу ничком»	43
Асе	44
«Идите же! – Мой голос нем...»	46
Встреча с Пушкиным	47
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	51
«Быть нежной, бешеной и шумной...»	53
Генералам двенадцатого года	55
«Ты, чьи сны еще непробудны...»	57
«Вы родились певцом и пажем...»	58
«Над Феодосией угас...»	59
Але	61
С.Э.	62

«Не думаю, не жалуясь, не спорю...»	63
Бабушке	64
П. Э	65
«Сегодня таяло, сегодня...»	66
«Под лаской плюшевого пледа...»	68
Подруга	69
«Безумье – и благоразумье...»	70
Анне Ахматовой	71
«Сини подмосковные холмы...»	73
«Хочу у зеркала, где муть»	74
«Мне нравится, что вы больны не мной...»	74
«Что видят они? – Пальто...»	76
«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»	77
«С большой нежностью – потому...»	79
«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»	79
«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»	80
«Два солнца стынут, – о господи, пощади!..»	81
«Цыганская страсть разлуки!..»	81
1916[2]	83
«Никто ничего не отнял...»	83
«Ты запрокидываешь голову...»	84
«Откуда такая нежность?..»	85

«Кабы нас с тобой да судьба свела...»	86
«...Я бы хотела жить с вами...»	87
Стихи о Москве[3]	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Марина Цветаева

Под лаской

плюшевого пледа

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление Е. Ферез

Компьютерный дизайн А. Чаругиной

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Стихотворения

1908–1915

«Проснулась улица. Глядит, усталая...»

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.

Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.

Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.

Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.

Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Март 1908

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Не изменившие друзья
В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
– Уж поздно! – Мама, десять строк!..
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана, Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит через кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
– О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908–1910>¹

¹ Даты, заключенные в угловые скобки, являются предположительными.

В Париже

Дома́ до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи́ мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый привет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand, и мученик Рейхштадтский,

И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909

Париж

Плохое оправдание

Как влюбленность старо,
как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь,
превращает наш храм.
О мучительный стыд
за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая,
как месяц, трирема,
О прощании с нею
пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает
наш сад из Эдема...

Как влюбленность – старо!

Только ночью душе
посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу,
от всех береги!

Никому не шепни, просыпаясь,
про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред,
светом розовых люстр золоченный,
Будет утром смешон.
Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром – мудрец,
будет утром – холодный ученый
Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя
и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать
на терзанье январскому дню?
Только утро виню я,
прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

1909–1910

Они и мы

Героини испанских преданий
Умирили, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, —
Всё нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты.
Мы сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —

О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909–1910>

**«На солнце, на ветер,
на вольный простор...»**

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.

Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шала,
Из кружек больших молоко.

О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;

Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалуню, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!

Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забытью?
– На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

Оба луча

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве – любовь, и молитва –
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе –
Оба луча!

Weisser Hirsch,
лето 1910

Осужденные

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же

И те же голоса.

Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей – небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чайные свое.

Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910

Исповедь

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...

Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямя для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

Очаг мудреца

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь – странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула неожиданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волнением и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя, Нереиды.

«Мы с тобою лишь два отголоска...»

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

На вокзале

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?
Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.

Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.
Догонять ее, что станет силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.
Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: «Воюй!»
«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)
Поезд тронулся – на волю Божию!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

*Брестский вокзал,
3 декабря 1911*

Путь креста

Сколько светлых возможностей ты погубил,
не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих
звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений
ждала я,

Получила лишь крест.
Что горело во мне? Назови это чувство
любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды
от сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко
и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных
книг.
Как больное дитя, я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый,
и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих
звезд...
Но во имя твое я без слез – мне свидетели
тени —
Поднимаю свой крест.

Не в нашей власти

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.

Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость —
Мы и душу и сердце, мы всё отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Резеда и роза

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.
Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. —
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

Два исхода

1

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,

Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, – так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.
Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, – так было встарь.
Что было встарь, – не будет снова.

Зимняя сказка

«Не уходи», они шепнули с лаской,
«Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь».

«О, подожди», они просили нежно,
С мольбою рук.
«Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!

О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!»
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

«И уж опять они в полуистоме»

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.
Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ

О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, – и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

Декабрьская сказка

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить.
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир – большой, как ветер – древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец – волшебник был, седой и злой;

Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...
Ему спалось и было всё равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить —
Мы слишком стары!

Дикая воля

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

Слезы

Слезы? Мы плачем о темной передней,

Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, – и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

Aeternum vale

Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения – к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся – любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала – гордость.

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Жажда

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и всё позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица —
Всё вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, — мы томились по зною...
Был он дерзок, — теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем – непонятое всеми,

Кто – мгновения экран.
В этом слове дышит время.
В раковине – океан.

<1911–1912>

«Бежит тропинка с бугорка...»

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело

Качаются на клумбах мальвы...

<1911–1912>

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

<1911–1912>

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...

Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913
Коктебель

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Мальчиком, бегущим резво...»

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость – жизнь мне, имя – шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили

Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность

Гнева напоказ...

Каменную безнадежность

Всех моих проказ!

19 мая 1913

«Сердце, пламени капризней...»

Сердце, пламени капризней,

В этих диких лепестках,

Я найду в своих стихах

Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:

Чуть испанский замок – мимо!

Все, что неосуществимо,

Я сама осуществлю.

Всем случайностям навстречу!

Путь – не все ли мне равно?

Пусть ответа не дано, —

Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

22 мая 1913

Коктебель

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти —
Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913

«Я сейчас лежу ничком»

Я сейчас лежу ничком –
Взбѣшенная! – на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? –

В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик? –

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошрое – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.

– Слышите, мой ученик? –

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, —
Господи, какое чудо
Я бы сделала из вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

Асе

1

Мы быстры и наготове,

Мы остры.

В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове. —

Две сестры.

Своенравна наша ласка

И тонка,

Мы из старого Дамаска —

Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,

И волы!

Мы — натянутые в небо

Две стрелы!

Мы одни на рынке мира

Без греха.

Мы — из Вильяма Шекспира

Два стиха.

11 июля 1913

Мы — весенняя одежда

Тополей,

Мы – последняя надежда
Королей.
Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.
И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.
Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
– Кто из вас его не встретил
На земле?
Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
(Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!)

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,

Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба... —
Точно стеклянная, на повороте
Продребезжала арба... —

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому слову,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и *под руку* в гору
Не предложил мне идти...

Не опираясь на смуглую руку,
Я говорила б, идя,

Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамёна,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны, —
Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаше аллея,

Марионеток и звук тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: *Марина*,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: *никогда* и *навек*,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,

Ах, – Мариулу твою!

Треск барабана – мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отражение
В зеркале... – Как я люблю...

Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И – потому, что от худшей печали
Шаг – и не больше! – к игре,
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь, с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель, и кавалькады в чаще,

И колокол в селе...

– Меня, такой живой и настоящей,
На ласковой земле!

К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день, и ночь, и письменно и устно:
За правду *да и нет*,
За то, что мне так часто —
слишком грустно
И только двадцать лет.

За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

«**БЫТЬ НЕЖНОЙ, БЕШЕНОЙ И ШУМНОЙ...»**

Быть нежной, бешеной и шумной,

– Так жаждать жить! –

Очаровательной и умной, —

Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,

Не знать вины...

– О возмущенье, что в могиле

Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,

– О, стать как лед! –

Не зная ни того, что было,

Ни что придет,

Забыть, как сердце расколосось

И вновь срослось,

Забыть свои слова и голос,

И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –

На стебельке,

На этой узкой, этой длинной

Моей руке...

Как зарисовывая тучку

Издадека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,
Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.
Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!
Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –
Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.
И так же будут таять луны
И таять снег,

Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Сочельник 1913

Феодосия

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, — вчера
Малютки-мальчики, сегодня —

Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

— — —

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...
О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки

Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что́ так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

26 декабря 1913

Феодосия

«Ты, чьи сны еще непробудны...»

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулочек сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

<1913>

«Вы родились певцом и пажем...»

Вы родились певцом и пажем.

Я – с золотом в кудрях.
Мы – молоды, и мы еще расскажем
О королях.

Настроив лютню и виолу,
Расскажем в золоте сентябрьских аллей,
Какое отвращение к престолу
У королевей.

В них – демон самообороны,
Величия их возмущает роль, —
И мой король не выдержит корону;
Как ваш король.

Напрасно перед их глазами
Мы простираемся в земной пыли, —
И – короли – они не знают сами,
Что – короли!

1913

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени

Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли.
И опустились и повисли
Две тоненьких мои руки.

Иду вдоль гонуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у сáмого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

14 февраля 1914

Феодосия

Але

1

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Всё будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно –
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает –
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

С.Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге! —
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! —

Такие – в роковые времена —
Слагают стансы – и идут на плаху.

3 июня 1914

Коктебель

«Не думаю, не жалуясь, не спорю...»

Не думаю, не жалуясь, не спорю.

Не сплю.

Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни
к морю,

Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,

Как зелено в саду.

Давно желанного ижданного подарка

Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая

Звонящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая

Число и век.

На, кажется, надрезанном канате

Я – маленький плясун.

Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! – Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд,
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли,
И невозможностей – сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж,
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..

4 сентября 1914

П. Э

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!

Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мёртвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду.
— Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность.
— Письмо в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

«Сегодня таяло, сегодня...»

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.

Ум – отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабана
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный: этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод.

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес.
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство

Сегодня таяло в душе.

4 октября 1914

«Под лаской плюшевого пледа...»

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

Подруга

Вам одеваться было лень
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

«Безумье – и благоразумье...»

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть –

Во мне! – Все каторжные страсти
Слились в одну!
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот
– Ах, наизусть! —
Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно-розов,
– Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик,
– Ловимой вновь! —
Моих прабабушек-полячек

Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки – от автомобиля —
Шелков, огня...

От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха!

От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...

И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

3 января 1915

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан –

Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, —
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

«Сини подмосковные холмы...»

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пышь и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, —
должно быть,
Выздоровливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

«Хочу у зеркала, где муть»

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

«Мне нравится, что вы больны не мной...»

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной

Не уплывет под нашими ногами.

Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.

Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: Аллилуйя!

Спасибо Вам, и сердцем и рукой,
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами!

3 мая 1915

«Что видят они? – Пальто...»

Что видят они? – Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я уйду навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег – и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесь,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.

Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает – тучи!

Вознесение 1915

**«Какой-нибудь предок
мой был – скрипач...»**

Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был – лихой

И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка, гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он *не* играл на скрипке!

И было все ему нипочем,
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«С большою нежностью – потому...»

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому – развеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все записки, и все цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»

Заповедей не блюла, не ходила к причастью,
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить – как грешу – как грешила:

со страстью!

Господом данными мне чувствами —
всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения —
жгучи!

Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!

Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —

Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

**«Я знаю правду! Все
прежние правды – прочь!..»**

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!

Не надо людям с людьми на земле бороться!

Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.

О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,

Уж скоро звездная в небе застынет выюга,

И под землю скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

**«Два солнца стынут, –
о господи, пощади!..»**

Два солнца стынут, – о Господи, пощади! —
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца, – прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

5 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

1916²

«Никто ничего не отнял...»

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
– Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

² В раздел входят и циклы стихов, завершённые позже, но начатые в 1916 г.

12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей

Цветные бусы фонарей.

Я доведу тебя до площади,

Выдавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай

И сердце зажимай в горсти...

– Мой хладнокровный, мой неистовый

Вольноотпущенник – прости!

18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?..»

Откуда такая нежность?

Не первые – эти кудри

Разглаживаю, и губы

Знавала – темней твоих.

Всходили и гасли звезды

(Откуда такая нежность?),

Всходили и гасли очи

У самых моих очей.

Еще не такие песни

Я слушала ночью темной

(Откуда такая нежность?) —

На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что́ с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

«Кабы нас с тобой да судьба свела...»

Кабы нас с тобой да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный,
мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька – бела, бела, —
Кабы нас с тобой – да судьба свела!

25 октября 1916

«...Я бы хотела жить с вами...»

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь
мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня
не любили...

Посреди комнаты – огромная изразцовая

печка,

На каждом изразце – картинка:

Роза – сердце – корабль. —

А в единственном окне –

Снег, снег, снег.

Вы бы лежали – каким я Вас люблю:

ленивый,

Равнодушный, беспечный.

Изредка резкий треск

Спички.

Папироса горит и гаснет,

И долго-долго дрожит на ее краю

Серым коротким столбиком – пепел.

Вам даже лень его стряхивать –

И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

Стихи о Москве³

1

Облака – вокруг,
Купола – вокруг.
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
Ты постом – говей,

³ Стихотворные циклы, составленные самой М. И. Цветаевой, – «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку», «Подруга» и др. – печатаются в нашем сборнике, как правило, не полностью. При этом нумерация стихов внутри цикла сохраняется в соответствии с однотомником и двухтомником, указанными на обороте титула.

Не сурьми бровей,
И все сорок – чти —
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым
шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же – вольный сон,
колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный,
мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков

И реющих над ними голубков;

И Спасские – с цветами – воротá,
Где шапка православного снята;

Часовню звездную – приют от зол —
Где вытертый – от поцелуев – пол;

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянная Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
– Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

Настанет день, – печальный, говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятаками, —
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И – двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит – лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завидую ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

– И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем – нож.
Издалекá-далече —
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесьть —
Младенец Пантелéймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит,
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916
Александров

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.